

СОВЕТСКОЕ КИНО НА ФЕСТИВАЛЕ

СОВЕТСКОЕ кино моложе, чем мировое, на целых два десятка лет. Оно пришло в мир вместе с залпами революционного эйзенштейновского «Броненосца», вместе с трагической и прекрасной «Землей Дождеко», с глубокими раздумьями «Матери Пудовкина». Все это открылось миру тогда, когда синамаграф в искусстве развлечения уже превратился в искусство воспитания. И наше, отечественное искусство кино внесло здесь свою ценнейшую лепту. Тогда же оно получило и первые свои награды на мировых форумах.

Традиционный Международный московский фестиваль тоже моложе многих заслуженных, стяжавших лавры международных кинорестивалей. И тем не менее здесь у нас, в Москве, впервые получили признание и многие выдающиеся художники экрана, и их ленты, и целые новые, молодые кинематографы.

Рядом с самыми великими и знаменитыми, рядом с молодыми, начинающими, всегда на московских фестивалях показываются самым строгим образом отобранные лучшие советские фильмы. Вместе с ла-

жирскими, тунисскими, вьетнамскими, монгольскими, итальянскими, югославскими, японскими картинами высший призыв фестивалю удостоивались «Война и мир» и «Судьба человека» Сергея Бондарчука, «Чистое небо» Григория Чухрая, «Дождем до понедельника» Станислава Ростоцкого и многие, многие другие. Это был самый высокий суд — суд зрителя, самого демократического советского зрителя.

Сегодня мы знакомим с программой советских фильмов, представляемых на VII Международный московский фестиваль.

С КАКИМ-ТО особым чувством смотрела я этот фильм.

От самого начала, от того момента, когда шла она, эта девушка, в простеньком своем и строгом платки, на смерть, как звали на разбитую военную дорожку, расстрелянная, но еще живая, и до самого конца, когда, сидя уже, но по-молодому подвигая тоненькая, стройная, стоит на углу Калининского проспекта в Москве, а жизнь миглет нею машины, людей, разгоров. От самого начала и до конца думается: неужели она возможна, эта жизнь, неужели прожитая была на земле, неужели на долю одного человека может выпасть столько великого горя и великой радости побеждать это горе? Но мы знаем, что были и эта жизнь, и эта женщина, мы знаем, что их много, таких непотопляемых людей в нашей истории — истории Родины.

На вершине — и вершине. Вот так и была спалена о том сложном музее, с которым смотрит картину — «Салют, Мария!».

Говорят, мы люди другого поколения — те, кто едва помнит последнюю войну. Наши матери пережили ее за нас — они, немолодые, неосыпанные, неодоленные.

ЖЕНЩИНЕ, ПЕРЕЖИВШЕЙ ТРИ ВОЙНЫ

Они притаили кусок хлеба, чтобы пахнуть нас же и было чем выжить. Они носили на себе дрова и козла воды. Они, в своем сердце потаенно хранили все ожидания, все тревоги и все похороны. Что мы в сущности знаем о войне?

А на воле Марии их выпало три. Три войны. Гражданская, испанская и наша, последняя, Великая Отечественная. Чужим она утледела после первой, с двумя смертями двух самых дорогих и близких людей, вышла из которой, осиротевшей, вошла в третью. Выжила, Сохранила себя, не ожесточилась, не умертвила, сидела — она у нее открыто несла, добру, людям.

Я не знала до этого и даже никогда не слышала об актрисе Аде Роговской — только вот недавно прочитала, что она много и интересно играет, в театре в Киеве. Как же это мы только

сейчас встретились с ней? Почему? Ведь казалась такая актриса. Какая мягкая, деликатная, скромная. Как сумела она одним своим дарованием, обаянием кинематографа убедить, привлечь зрителя поверить в такую романтическую, нобыловою, легендарную судьбу.

Как нечего, наверное, было ей переходить в фильме из одного состояния в другое, резко противоположное, сыграть столько возрастов сразу — почти детскую, наивную vulnerability и чуждую зрелой женщины, быть на экране девочкой, почти игрой в подполье и коммунизмом, интернационализмом. А эти ее сцены в Испании, такое стремительное, короткое счастье на опаленной земле, и вот она уже вдовой идет вслед траурной процессии. Но жизнь не дала ей права остаться вдовей с собой, уйти от людей, утла с головой в

свое горе. Жизнь готовила ей новые битвы.

Удивительная светлая, добрая актриса. Хорошо, что ее назвала режиссер И. Хейфиц. Мне кажется, что это открытие, открытие экранной Вере Мерцарой в «Чаше правды», Алексею Баталову и Борису Андрееву в «Войне и мире», Ие Саввиной в «Даме с собачкой». Все эти роли на памяти у каждого зрителя.

А вот теперь — Мария. Новая героиня, которую режиссер провозглашает в фильме.

Нас с ней воевал одиноко, хотя мне, как и всем моим сверстникам, не выпало и сотой доли того, что пришлось пережить ей и людям таким, как она.

Глубокий поклон им за все создательное имя.

Мария ИВАНОВА, ударника коммунистического труда, мастер цеха фабрики «Союз», МОСКВА.

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

ГЕРОЙ этого фильма — сама история. Авторы назвали его «Историческая» — фильм о торжестве коммунистической идеи, о том, что наша история основана в ее движении вперед.

Для воплощения своего замысла на экране кинематографы выбрали соответствующие масштабы этого замысла средствами — полкран, широкий формат, цвет, стереофоническую звуковую дорожку. Совершенно удивительный эффект.

Эту дату знают все — март 1921 года. Первая на плане историческая революция. Партияская Коммуна. Ее столетнему юбилею посвящена эта картина кинематографистов.

«Сплывающая» экран, и не его огромная полотно возникает, как бы единство в борьбе с противником в красной рукопожатии рабочих рук. Будет море зыблеть. На их фоне, в отсвете пламени одна за другой пролетают перед зрителем картины восстания коммунистов. Глядя за экраном, в глубине экрана возникает мелодия «Историческая». Он звучит все громче и громче. И вот уже звуки пролетарского гимна, родившегося в год Коммуны, заполняют зрительный зал. А на экране гордо реет знамя пролетарской революции.

В фильме «Историческая» его авторы используют отрывки из художественных лент, кадры кинохроник, политический плакат. Центральная часть — материал единой темой, они создают поэтический образ Революции.

В центре экран — ленточный экран: одна за другой мелькают страшные кадры «Историческая». И одновременно на экране возникает «Историческая» с революционными агитационными сценами — знаменитый эйзенштейновский кадр «Бегут» кадры эрники — Берлинские бои 1905 года, демонстрация рабочих, свистки с царской жандармерии.

Одна из лучших картин этого фильма — кадры, в которых запечатлены Владимир Ильич Ленин, Александр Керенский, а также кадры Ленина Владимира Ильича в Москве, в котором он говорит о неминувном всплеском торжестве идей Маркса. И как историческое свидетельство на огромном экране одновременно возникает кинокадр: Германия — революция 1918 года, Венгрия — революция 1919 года, Монголия — революция 1921 года. Кинокадр, словно расплавленное стекло в глубь истории.

Надеждой мира называют нашу страну. К Советскому Союзу приковано внимание всего прогрессивного человечества. Пример советского людей вдохновляет всех борясь за народное счастье. Революционное движение на нашей планете растет, ширится, и никто не сможет остановить его. Новый мир уверенно строит в свое будущее. Такой идейный и эстетический миг этой публицистической кинооперы.

Картина «Историческая» создана экспериментальными творческими объединениями кинохудожников «Мосфильм». Режиссер А. Светлов и А. Шап, «Историческая» представляет наше киноискусство в конкурсах документальных фильмов.

СРЕДИ других советских конкурсных работ кинохудожников — фильм «Историческая» человека режиссера А. Золотова. Картина рассказывает о простой советской женщине, героине войны.

«Песня моя — жизнь моя» — лента режиссера А. Павлова посвящена народной артистке СССР Александру Васильевну Севиникову.

«Героический ветер свободы» — режиссер режиссер-оператор О. Лавренко и В. Комарова.

Минус-поступление кинематографов будет представлять в конкурсах фильм «Сныне» запущен режиссера А. Семенова. В ее основе — драматическая коллизия в борьбе за сохранение природы.

Программа также кинодокументальное не только обширна, но и разнообразна.

В. ГАЛИНА

ЭПОПЕЯ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

НА НАШИХ ЭКРАНАХ с большим успехом идут фильмы цикла «Освобождение». «Огненная дуга», «Путь», «Направление главного удара» (режиссер Ю. Бондарчук, О. Курганова, Ю. Озеров. Режиссер Ю. Озеров).

Вчера состоялась премьера чет-

вертого, завершающего цикла фильма «Битва за Берлин». Первые зрители картин стали гости и участники VII Московского международного кинофестиваля. «Битва за Берлин» была показана в Кремлевском Дворце съездов на открытии кинофестиваля.

Мы попросили рассказать о

фильме его первых зрителей. **П. ОНЩУК**, педагог: — Я смотрел все фильмы цикла «Освобождение»: «Огненная дуга», «Путь», «Направление главного удара». И вот я увидел завершающую ленту картины «Битва за Берлин».

По профессии я педагог. Мне часто приходится общаться с молодежью. Может быть, поэтому я особенно остро ощущаю важность появления на экранах таких фильмов, как цикл «Освобождение». Молодежь — наше будущее. И очень важно и важно, чтобы наше будущее хорошо знало нашу историю.

Знаю историю своей страны, знаю о подвигах своих отцов и дедов. Кинофильм «Освобождение» — это

поглядный, образный урок истории. Урок, который приносит не только знания, но и воспитывает в человеке чувства.

В фильме «Битва за Берлин» показана завершающая фаза Великой Отечественной войны: Операция Висла — Одр; составленная содержание картины, внешне сложная фашистской Германии — одно из самых грандиозных сражений, которые когда-либо знала история.

И как же у нас в творчестве, производстве, организации — были нужны, чтобы воссоздать это сражение на экране. Это слово «жизнь», предстает перед нами время далекого, потому что прошла война, потому что мы когда-

нибудь перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

нами ключами. Лицо старшего брата, разбитое кулаком офицера, выплывает из его глубин. И легко, примиряюще, прикосновение материнской руки. Сидит в кресле, она оживает, она дала, когда, по манушечке, рухнула на землю вырванный трактором пограничный танец, и мы солдат, спрыгнув с подножки трактора, заглядыва-

НАД КРЫШАМИ — БЕЛЫЕ АИСТЫ...

на красавицу Дану. Играла свадьбу солдатка с Даной, взлетела в воздух смелым музыкантом, завила старая, за душу заволающая мелодия. Так пролетают год, другой, третий, проходит время, за которое многое случается, и все, что случается, помнится. Отдыхая в сторону, все оставшееся, является воспоминание отчаянное и страшное. Не разбирая дорог, словно бы ослепнув, катится облитый бензином пылающий трактор по ничему селу. Два человека нарочно привязаны к нему, и им уже не успеть освободиться от пут. Влетает в кадры ослепленный солдат, залетает в танец небо, чтобы в то же мгновение, на наших глазах обратиться в золотой фалес осенней березы, пламенеющей на ветру, как памятник живому сожженному. Потом снова зазвонит, разветвится, до боли знакомая мелодия — все одна, все одна и та же, и в радости, и в горе. Катрина, это именно она, ее звуки вывели из танго, логика, приключил на сельский праздник Ореста (арт. Б. Ступка). И люди отшатнулись, в молчаливом рисунке-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

на красавицу Дану. Играла свадьбу солдатка с Даной, взлетела в воздух смелым музыкантом, завила старая, за душу заволающая мелодия. Так пролетают год, другой, третий, проходит время, за которое многое случается, и все, что случается, помнится. Отдыхая в сторону, все оставшееся, является воспоминание отчаянное и страшное. Не разбирая дорог, словно бы ослепнув, катится облитый бензином пылающий трактор по ничему селу. Два человека нарочно привязаны к нему, и им уже не успеть освободиться от пут. Влетает в кадры ослепленный солдат, залетает в танец небо, чтобы в то же мгновение, на наших глазах обратиться в золотой фалес осенней березы, пламенеющей на ветру, как памятник живому сожженному. Потом снова зазвонит, разветвится, до боли знакомая мелодия — все одна, все одна и та же, и в радости, и в горе. Катрина, это именно она, ее звуки вывели из танго, логика, приключил на сельский праздник Ореста (арт. Б. Ступка). И люди отшатнулись, в молчаливом рисунке-

НАД КРЫШАМИ — БЕЛЫЕ АИСТЫ...

на красавицу Дану. Играла свадьбу солдатка с Даной, взлетела в воздух смелым музыкантом, завила старая, за душу заволающая мелодия. Так пролетают год, другой, третий, проходит время, за которое многое случается, и все, что случается, помнится. Отдыхая в сторону, все оставшееся, является воспоминание отчаянное и страшное. Не разбирая дорог, словно бы ослепнув, катится облитый бензином пылающий трактор по ничему селу. Два человека нарочно привязаны к нему, и им уже не успеть освободиться от пут. Влетает в кадры ослепленный солдат, залетает в танец небо, чтобы в то же мгновение, на наших глазах обратиться в золотой фалес осенней березы, пламенеющей на ветру, как памятник живому сожженному. Потом снова зазвонит, разветвится, до боли знакомая мелодия — все одна, все одна и та же, и в радости, и в горе. Катрина, это именно она, ее звуки вывели из танго, логика, приключил на сельский праздник Ореста (арт. Б. Ступка). И люди отшатнулись, в молчаливом рисунке-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

жужденность от людей, от всего живого. Здесь словно предчувствие всей его судьбы, близкого конца, что его сторонит — сам ли пошел, или пулю в висок, встретит ли смерть в лесной проруби, останется ли чудом жив, а жизнь поделит своим чередом, вычеркнув саму жизнь, об отщепенца.

Три драматических женских образа проходит через весь фильм. Дана (арт. Л. Кадочникова), одаренная красотой, которая ей лишь в нежизненной, слишком зрелая и большая, уже на пороге жизни сложилась душа. Ванда (арт. Д. Синцова), сельская женщина, омытая, она — в своем сердце всегда праздничного убранства зата. В последнюю день своей жизни надежда билай убор невесты, ставшая в этот последний свой день жертвой темного, дикого надругательства одошечник. И ослепившая одошечниками так, торжество и нежно, как ослепившая умирились невесты. Катрина (арт. М. Мау), воплощение материнского многолюбия, жертвенности, скорби. Это живое, неискряемое состра-

дание перед лесным бендиком, лесным волком. Одна только Дана, милое, с отчаянием и вызовом, всею ступенью свою прекрасную, трепещущую, безупречную, ступенью в круг. Снова ударил, смелый музыкант, Орест повел подругу в танец. В этот последний танец — его обреченности и неискренности, и уже непоправимая от-

ПРИЗ — ТЕПЛОТА И СЕРДЕЧНОСТЬ

ИЗ ЮГОСЛАВСКОГО ГОРОДА Шибеница... ИЮГОСЛАВСКОГО ГОРОДА Шибеница, где в недавнем прошлом происходили международные фестивали...

НЕ ТОЛЬКО ханойцы, но и многие гости столицы ДРВ... Чан Ван Кан, мастерская старейшего и самого известного художника Вьетнама профессора Чан Ван Кана...

Видел технику гуаши и масло, лаковая живопись, миниатюры, аquarelle на шелке, майоги эдита по стране...

ВОСХОЖДЕНИЕ ТАЛАНТА

В 1910 году родился в 1910 году в провинции Хайфон... Чан Ван Кан, мастерская старейшего и самого известного художника Вьетнама профессора Чан Ван Кана...

В 1943 году, когда империалисты Франции создавали войну против освобожденного народа Вьетнама...

МАСТЕРСКАЯ

Мастерская вьетнамского искусства... Чан Ван Кан, мастерская старейшего и самого известного художника Вьетнама профессора Чан Ван Кана...

В 1943 году, когда империалисты Франции создавали войну против освобожденного народа Вьетнама...

Кинокамера освободительной войны

ЧАН ТХЕ ЗАН, инженер и оператор киностудии «Освобождение» при Временном революционном правительстве Республики Южный Вьетнам...

Зан, — когда даже это плечо отключено, оружием которое до недавнего времени был лук и стрелы...

«Что зато с чем сравнить радость успеха, чувства, которые испытываешь, видя счастливые лица солдаток и матерей деревни, празднующих победу мурзилкой и танцами...»

Сцена из оперы М. Ковалев «Вали и семеро мошкет».

Дануша Ольбрынская и Ольгера Лукашевича в фильме Андриаса Вайды «Бережки».

О чем шумит роща... Фильм «Бережки» поставлен Андриасом Вайдой по известному рассказу выдвинутого польского писателя...

VII МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ...

СЕЙСМОГРАФ ПРОГРЕССИВНОГО ИСКУССТВА... Тодор ДИНОВ (Болгария)

Московский фестиваль кино... Московский фестиваль кино является своим масштабом традицией этого кинофестиваля...

Московский кинофестиваль не был и не будет просто выставкой картин...

Опасность быть Канном... Постановкой фильма «Абель, твой брат» польский режиссер Януш Насфетер обратился не к библейскому сюжету...

«Кромвель» едет в Москву... БРИТАНСКИЕ кинематографисты послали на Московский международный кинофестиваль в Москву два фильма...

Две ленты из ФРГ... ДВУМЯ художественными фильмами будет представлена ФРГ на Московском международном фестивале...

Впервые на фестивале... ИРАНСКИЕ кинематографисты с воодушевлением готовились к VII Международному кинофестивалю...

Дануша Ольбрынская, Ольгера Лукашевича, Эмилия Красовская — великолепные актрисы ансамбля этого фильма...

«Снажи Беатрис Поттер», фильм-балет, основанный на детских сказках английской писательницы Беатрис Поттер...

Вторая работа «Истории ада» посвящена изображению современной действительности ФРГ...

На фестивале не было специальных наград. Призом были теплота и сердечность, с которыми нас принимали.